

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РАЙ: СОЦРЕАЛИЗМ И ФОЛЬКЛОР

Урсула Юстус

Советский фольклор получил свое официальное обоснование в докладе писателя, который, будучи объявлен отцом советской литературы, одновременно выполнял функцию самого авторитетного теоретика советского фольклора. Речь идет о Максиме Горьком¹ и его докладе, с которым он выступил 17 августа 1934 г. на Первом съезде советских писателей и в котором фольклор как «литература народа» был приравнен к советской литературе².

Введя в середине 1930-х годов фольклор в соцреалистический канон, Горький реабилитировал тип литературного творчества, который незадолго до того был предан забвению³. Не только Пролеткульт, а позже РАПП и ЛЕФ отвергали фольклор, считая его выражением «отсталого мировоззрения», но и некоторые ученые рассматривали его как явный пережиток прежней культуры⁴.

Когда Горький, вопреки господствовавшему до того взгляду на фольклор как на продукт эпохи феодализма, ввел его в советскую литературу, это означало радикальную переоценку фольклора. Новое понимание фольклора стало результатом разного рода риторических и дискурсивных дифференциаций, посредством которых Горький вывел его как из контекста архаико-крестьянской культуры, в которую он был помещен в эпоху РАППа и ЛЕФа, так и из контекста феодально-аристократической культуры, в котором эпос и былины рассматривались как пережитки культуры дворянской.

Первое позволило Горькому вывести фольклор из мифологического и мистико-космогонического контекста, в котором он осмысливался западноевропейской наукой, и привести его в соответствие с официальным дискурсом диалектического материализма. Выведя фольклор из сферы мифологии и мистики, в которых, считал Горький, фольклор оказался под «влиянием христианско-философской догматики», основоположник соцреализма как бы подменил научную память сталинской культурологии, противопоставив прежним представлениям тезис об изначально материалистическом происхождении фольклора. В результате Горькому удалось освободить фольклор от «всёйкой метафизики», введя его в официальный дискурс сталинского литературоведения⁵.

Горький отказывается и от представлений о крестьянско-мифологическом и феодально-аристократическом происхождении фольклора, полностью освободив тем самым литературно-социологическую память сталинского времени от прежних концепций фольклора. Онтологическое отсутствие создающего фольклор и миф автора-субъекта «заполнялось» обществом, социальным и культурным организатором которого всегда был рабочий коллектив. Горький превратил свой доклад на Первом съезде писателей в мифо-поэтический творческий акт⁶, в котором фольклор оказывается отзвуком коллективной работы первобытно-коммунистического общества. Превратив таким образом фольклор в свидетельство изначально-материалистического мировоззрения, Горький вписал его в качестве «устного творчества трудового народа»⁷ в литературу соцреализма⁸.

В этой утопии социалистического пра-общества не только сам Горький превратился в творца советского фольклора, но и фольклор оказался как бы изначально социалистической литературой, которая — наряду с греческой античностью, итальянским Возрождением и русским реализмом XIX века — является прямым предшественником соцреализма⁹.

Фольклор, однако, предшествует будущей литературе соцреализма не только в культурно-историческом смысле. Определив в своей заключительной речи на Съезде писателей фольклор как литературу, выражающую изначальное диалектико-материалистическое мировоззрение и отражающую прежде всего внелитературную действительность, как литературу, которая должна быть не только собрана, но и открыта для новой советской культуры¹⁰, Горький придал фольклору статус архетипического идеала для литературы соцреализма¹¹.

В результате собранные под «шапкой» фольклора и обязательные для советской литературы литературные нормы оказались не директивами авторитетной литературной политики, но как бы заново открытыми качествами изначального и естественного творчества. В своей интерпретации фольклора как архетипической модели для новой советской литературы Горький опирался на теорию отражения и принцип партийности (в смысле диалектико-материалистической интерпретации реальности), объявленные в начале 1930-х годов в ходе канонизации «ленинского этапа в литературоведении» основополагающими для советской литературы¹². Постулаты же народности, доступности, простоты, ясности и массовости оказались теми нормами, которые (в том числе и посредством возрождения фольклора в середине 1930-х годов) прочно утвердились в соцреалистическом каноне. И в докладе Горького, и в работах советских фольклористов, фольклор как оптимистическая и естественно-гармоническая литература противопоставляется феодальной и буржуазной литературе России и Западной Европы, которая стигматизировалась советской литературной критикой 1930-х годов как индивидуалистическая и пессимистическая¹³. Из этого противопоставления фольклора, вписанного в виталистический дискурс сталинистской культуры 1930-х годов, и литературы феодальной и буржуазной эпохи, диффамированной как отвлеченная и враждебная, следовали постулаты народности как изначальных эстетических норм «естественного» фольклорного творчества¹⁴. В результате из этой дифференцированной системы переинтерпретации истинного фольклора и отстроенной заново литературы возникает утопия устного творчества народа, которое якобы всегда совпадало с литературными нормами «народной литературы».

Так в литературу соцреализма включается корпус текстов, переносящий норматив народности, конституированный до сих пор прежде всего в литературоведческих текстах 1930-х годов¹⁵, в литературный дискурс. Фольклоризация приводит к тому, что требования народности, понятности, ясности, простоты становятся не только директивами литературной политики, но литературными категориями самой соцреалистической литературы.

Фольклор включается в соцреалистический канон в то время, когда в связи с пропагандой бесклассового общества в литературно-критических дискуссиях классово-социологическое понимание литературы заменяется «народным»¹⁶. Фольклор служит в середине 1930-х годов как бы естественным идеалом народной литературы, сформулированные постфактум нормы которой в теоретических дискуссиях 1930-х годов становятся и критериями новой литературы¹⁷. Горький заявил, что простой и понятный способ письма является естественным для изначального устного творчества народа. Таким образом, метод соцреализма и инсценированное на Съезде писателей добровольное обязательство писателей руководствоваться им, может рассматриваться как рождение литературы, освобожденной от капиталистического и феодального отчуждения, а значит — вернувшейся к своему естественному началу¹⁸.

Посредством реинтерпретации естественно-эстетической нормы устной поэзии народа¹⁹ Горький, оживляя фольклор, создал в своем докладе на Первом съезде писателей тот культурно-теоретический контекст, в котором обязательно предписанные установки литературной политики сталинского времени оказываются онтологическими константами стихийного литературного творчества. Они объяв-

ляются своего рода изначальными параметрами мнимо-естественной эстетики и как критерии народной и реалистической литературы обретают — ретроспективно для литературы «критического реализма» XIX века — статус вечных и всеобщих приемов исконного литературного творчества²⁰.

Советская культура 1930-х годов понимает себя как культура после апокалипсиса²¹. Фольклор представляет тот историко-эстетический контекст, в котором соцреализм рассматривается как восстановленное первобытное состояние изначальной литературы народа, чем кодифицируется конец всякого литературного развития.

Поскольку сам метод соцреализма в результате канонизации фольклора оказывается своего рода естественной эстетикой первоначальной народной литературы²², то и восстановление реалистического письма является отныне не предписанием, но возвращением к изначальным приемам народного творчества²³. Полагая начало искусства в непосредственном реализме литературы, организующей рабочий коллектив²⁴, Горький определял реализм как познавательное средство литературы, призванной открывать обществу мир, а не скрывать его, как делал это авангард (о чем много говорилось в ходе дискуссии о формализме в 1936 г.). Если требование реалистического изображения в искусстве оказывается возвращением литературы к познавательной функции, которая, по мнению Горького, с самого начала ей была свойственна²⁵, то фольклор, в интерпретации сталинской фольклористики, объявляется литературой, которая всегда соответствовала тем требованиям правдивого отражения действительности, которые содержались в Уставе Союза писателей. Таким образом, с превращением фольклора в неизменно реалистическую форму литературного творчества, требование реалистической манеры письма больше не является догматической инструкцией официальной литературной политики сталинского времени, но культурно-имманентной необходимостью литературы, возвращающейся к своим естественным «исконным» началам²⁶.

Если реалистическая манера письма больше не считается предписанной сверху, но необходимой с точки зрения самого литературного развития, тогда и искусственно сконструированная «литературная преемственность» фольклора и соцреализма может быть понята в том смысле, что предписанный литературе «реализм» в действительности нужен лишь для создания воображаемой действительности, которая и возникает лишь из «реалистических» литературных эффектов.

В своем обкладе Горький называл фольклор литературой, всегда отражавшей внелитературную действительность²⁷. Таким образом, предания фольклора и мифология первоначальной фольклорной хроники превращаются в литературные документы, в которых «народ» запечатлел историю²⁸. Превращая фольклорные тексты в исторические документы, Горький официализирует фольклор, видя в нем литературное творчество, с самого начала укорененное и в литературном, и в историческом дискурсах. Таким образом, в культурной памяти соцреализма восстанавливается первобытное состояние литературы, в котором эпос и историография еще не были разъединены²⁹. В результате этого смешения литературного и историографического дискурсов возникает интерпретация фольклора как феномена, в котором разделение между эпическим возвышением действительности и ее фактическим воспроизведением теряет всякое значение. Упразднив границы между фольклорным текстом и историческим документом, Горький вводит такое понимание фольклора, в котором идеализированная в фольклорных текстах действительность объявляется ее «конкретно-историческим отражением»³⁰.

Таким образом, в середине 1930-х годов в культуру вводится понимание фольклора, в котором различие между документом и фикцией исчезает, а вполне мифологические тексты советского фольклора становятся документами, якобы отражающими советскую действительность³¹. В результате ассимиляции эпического дискурса фольклорных текстов и фактического дискурса историографии, эпи-

чески-мифологическая идеализация действительности и ее правдиво-фактическое изображение перестали противостоять друг другу, но равным образом стали отражением сталинской фикции. Таким образом, граница между мифологическим дискурсом фольклора и «исторически-конкретным изображением действительности», как и «модальная шизофрения»³², которую Катерина Кларк считает отличительной чертой соцреалистической прозы, потеряли всякое значение.

Соцреалистическое требование «правдивого и исторически конкретного изображения действительности» как бы отменяет фиктивность советского фольклора; представления, создающиеся фольклором о советской действительности 1930-х годов, больше не считаются образами эпически идеализированной современности, но метафорами соответствующей реальности³³. Таким образом, фольклор становится свидетельством целостной и конкретной действительности в текстовом космосе соцреализма, чего и требовал Горький в своем докладе на Первом съезде писателей. В результате превращения текстов фольклора в свидетельские документы советской реальности, идеализация действительности, канонизированная в требованиях «революционной романтики», потеряла значение и соответствующие элементы были исключены из текстов советского фольклора, в котором вполне мифологическое изображение действительности становится доказательством (а не идеализацией!) абсолютно фиктивизированной реальности 1930-х годов. Итак, вместе с фольклором был канонизирован и метод эпической идеализации действительности, объявленный «исторически конкретным» ее отражением, а требование «правдивого и исторически конкретного отражения действительности» оказалось возвращением к изначальной функции литературы³⁴.

Объявленные подлинными историческими документами, в которых выражено народное понимание исторических событий³⁵, предания фольклора служат противопоставлению правдивого взгляда народа официальной историографии феодального и буржуазного обществ и разоблачению фальсификации истории феодальными или буржуазными летописцами и историками. Таким образом, фольклор входит в литературу соцреализма как устная хроника народа и в этом качестве приобретает авторитетность абсолютной правды³⁶. Эта сверхисторическая правда фольклорных текстов основывается на естественной тяге народа к истине³⁷. Утверждая, что фольклор сочинен в «сердце народа»,³⁸ советская фольклористика тем самым усиливала пафос искренности, в котором даже предания традиционного фольклора оказывались чуть ли не изначально истинными свидетельствами. Нечего и говорить о том, что тексты советского фольклора обрели статус истинных документов якобы отражаемой ими новой советской действительности. Канонизация фольклора привела к онтологизации народного требования правды, в результате чего мифологическая литературная конструкция реальности сталинского времени превратилась в представление о действительности, существующей вне литературы.

Аутентичность, приписанная фольклору, всегда является продуктом социального контроля. В нем, согласно советской доктрине, коллективная память контролирует коммуникативную память певцов. Таким образом, в дискурсе сталинского фольклора коллективное творчество является основополагающей контрольной инстанцией, которая следит не только за исторической правдой фольклорного текста, но и за его идеологической выдержанностью и эмоциональной искренностью³⁹.

Возрождая принцип коллективного творчества в то время⁴⁰, когда литература входит в целостный, упорядоченный космос сталинизма, где только Сталин имеет право на дискурсивные выводы, Горький потребовал не только возврата литературы к первобытному и «естественному» литературному творчеству. Посредством реанимированных им представлений о коллективном творчестве он прежде всего легитимировал ликвидацию индивидуального авторства. Таким образом, он оправдал тоталитарный праксис литературной политики сталинской эпохи, объявив его соответствующим «естественному» состоянию литературы. Вместе с фоль-

клором в литературный дискурс соцреализма вписывается такое понимание автора, в котором последний представляется не творцом текста, но воскрешенным эпическим певцом, который не столько сам творит искусственную действительность, вписанную в дискурс коллективной памяти сталинской культуры⁴¹, сколько лишь поет о ней.

Поскольку память певцов является в канонизированном представлении об устной культуре архивом коллективного мировоззрения, субъективные «воспоминания» певцов в сталинистском толковании фольклора имеют чрезвычайно важное значение⁴². Когда совершенно фиктивная конструкция реальности из официальной историографии переносится в «память» певцов, их песни начинают восприниматься таким образом, как будто искажение исторических фактов точно соответствует общим воспоминаниям певцов, чему свидетельством — сами фольклорные песни. Таким образом, в сталинском фольклоре посредством инсценированной индивидуальной памяти певцов вводится инстанция оценки, наполняющей пустой субъект высказывания соцреалистической литературы⁴³ неким личным «я». Иллюзия субъективного переживания ашугов и акынов наполняет объективированный дискурс сталинской историографии смыслом постольку, поскольку в песнях советского фольклора 1930-х годов сталинское видение действительности не только «рассказывается» или «описывается», но одновременно и оценивается личным «я» певцов⁴⁴. Таким образом, в сталинский фольклор вписывается фиктивное свидетельство, на основании которого песни не только описывают действительность, но и подтверждают ее в формулировках типа «когда я был молодым» или «я помню».

Отражая в своих нарративах такую же сконструированную действительность, как и историографические исследования и литература этого времени, фольклорные тексты посредством панегирических и чествующих выражений кроме того аффируют эту действительность, не только утверждая ее, но и подтверждая и возвышая⁴⁵. При помощи «свидетельства» фольклор скрывает тот факт, что историческое воспоминание, о котором он, казалось бы, свидетельствует, лишь постфактум было вписано в память певца. Это «свидетельство», которое превращает фольклорные тексты 1930-х годов в некие протоколы воспоминаний певцов, не только исключает какое бы то ни было подозрение в исторической фальсификации, но и делает фольклорные тексты правдивыми показаниями как бы предшествовавшей им действительности. Таким образом, вместе с фольклором в середине 1930-х годов в литературный канон соцреализма входит жанр фиктивно-аутентичного воспоминания, который становится одним из самых важных приемов легитимации сконструированной реальности.

Аутентичность фольклорных текстов основывается и на особом понимании знака, которое вменяется устным текстам традиционного фольклора. В дискуссии о языке новой советской литературы, которая была начата в начале 1930-х годов статьями Горького и закончилась в середине 1930-х годов канонизацией авторитетной языковой нормы, многозначность знака упраздняется и заменяется искусственной семантической однозначностью⁴⁶. Фольклор оказывается литературой, которой такая однозначность якобы всегда была присуща⁴⁷. Таким образом, устное творчество народа входит автореференциальным дискурсом в литературные дискуссии 1930-х годов, в которых реальное его выражение еще считается не разъединенным письмом⁴⁸. В этих спорах об идеологически ясном и однозначном языке фольклор оказывается тем видом текста, который с самого начала владеет правдивым словом, однозначность которого еще раз утверждает правдивость выраженного им содержания. Фольклор становится естественным актом наименования, в котором откровение мира основывается более не на божественном логосе, но на фольклорном слове⁴⁹. С фольклором канонизируется и мнимо-естественное состояние языка, которое не только предвещает возвращение текстовой прак-

тики к однозначному смыслу текста и реконструкцию «неиспорченного» состояния языка, но и превращает сам сталинский фольклор в откровение о новой советской действительности.

Поскольку устность традиционного фольклора считается доказательством «естественного» подхода к миру, вокруг письменных текстов советского фольклора инсценируется вторичная устность⁵⁰, которая призвана скрыть тот факт, что тексты советского фольклора частично сочинялись самими фольклористами. Прибавлением к опубликованным текстам места и даты их мнимого исполнения и записи, этой игрой с текстовой практикой традиционно устно бытующего фольклора, порождается иллюзия их аутентичности, они предстают в качестве неких копий и переводов настоящих устных выступлений. В этой устности сталинского фольклора потом и теряются энкомиастические формулы письменной похвалы⁵¹ вождю, а почитание Сталина становится выражением естественного уважения и глубоко прочувствованной благодарности.

После того как фольклор вышел из подчинения письменной литературе, но был объявлен равноправным ей⁵², изучение фольклора больше не воспринималось как раздел литературоведческих и лингвистических институций, до того занимавшихся письменной литературой. В середине 1930-х годов изучение фольклора превращается в самостоятельную отрасль науки и становится институционно равноправным литературоведению и лингвистике. С этой целью в середине 1930-х годов почти во всех университетах Советского Союза создаются специальные отделения по собиранию и изучению фольклора. В это время был открыт также Всесоюзный Дом фольклора в Москве как центральное учреждение, которое должно было не только согласовывать, но и контролировать работу разных подотделов и отделений институтов, занимающихся фольклором. С возведением фольклора в праобраз соцреалистической литературы выходят и новые издания, посвященные советскому фольклору⁵³.

Согласно официальной доктрине, западноевропейская и советская фольклористики принципиально отличаются друг от друга: первая представляет собой буржуазную науку, вторая — науку, работающую в интересах народа. Вследствие этого разделения западные научные подходы к мифологии и истории мотивов исключаются как формалистические; то же относится и к традиционному генетическому подходу русской науки, который был изъят из научного канона сталинского времени⁵⁴. Теоретические взгляды мифологической и исторической школ, так же как и теория миграции, считаются абстрактными и чуждыми интересам народа. Таким образом, фольклор изымается из контекста архаично-мифологической, крестьянской и феодально-аристократической культур. В результате разрушается тот научный контекст, в котором фольклор мог быть понят как собрание архаических преданных стереотипов и складывавшихся в них мифо-магических и мистико-космогонических содержаний. И происходит это как раз в тот момент, когда фольклор — в качестве подлинной устной поэзии трудового народа — был инкорпорирован в литературу соцреализма.

В результате этой чистки фольклористического дискурса фольклор оказалось легко определить как изначально реалистическое, народное творчество, основанное на народном, трудовом, коллективистском сознании. Эта интерпретация фольклора следовала основным положениям исторической школы, представленной прежде всего трудами академика Ф. В. Миллера⁵⁵, который утверждал, что в фольклорных текстах кроме архаических преданных литературных мотивов всегда отражается и внелитературная действительность. Когда Горький своей переинтерпретацией фольклора утверждал идеи фольклорного реализма (что было распространено уже в 1920-е годы⁵⁶), он лишь привел это понимание фольклора в соответствие с догмами марксистско-ленинской литературной теории, фактически придав ему статус объективного научного знания. Вписав тезис о всегда правди-

вом отражении действительности в фольклорных текстах в канон новой советской литературы, Горький придал и ему новый статус, ставший определяющим для всей советской фольклористики.

Внешним толчком для окончательного инкорпорирования фольклора в господствующую идеологию стала постановка оперы «Богатыри» Демьяна Бедного в Московском Камерном театре в 1936 году. В этой опере, как бы подтверждающей тезис Ф. В. Миллера о дворянском происхождении былин, Бедный показывал богатырей как пьяных декадентствующих аристократов. После нескольких исполнений постановка была запрещена и исключена из репертуара⁵⁷. Этому предшествовал ряд критических статей (в том числе, в «Правде»), в которых постановка была объявлена фальсификацией не только русской истории, но и сущности фольклора. Этими статьями начался инсценированный ритуал самокритики, в ходе которого советские фольклористы, прежде всего Юрий Соколов, который стал позже вместе с М. К. Азадовским и А. М. Астаховой ведущим фольклористом сталинской эпохи, признали себя ответственными за ошибки и присоединились к горьковской интерпретации фольклора как феномена, уходящего своими корнями в мировоззрение трудового коллектива⁵⁸. После того как это определение стало единственной доктриной советской фольклористики, началась ликвидация иных, еще существовавших к тому времени школ.

Теперь (в отличие от 1920-х годов) главная задача советских фольклористов состояла не в научном исследовании традиционного фольклора, но, напротив, в создании нового советского фольклора, который до тех пор — вне советской фольклористики — просто не существовал. Таким образом, задача советской фольклористики 1930-х годов состояла в том, чтобы «изобрести» фольклор и дополнить им (как устным творчеством народа) соцреалистическую литературу.

Небывалая активизация собирания фольклора началась с экспедиции, проведенной по инициативе Л. Кагановича в 1934 г., с целью собирания и записи нового советского фольклора Московской области. За этой экспедицией последовал ряд похожих экспедиций, которые скоро распространились на другие области и республики Советского Союза⁵⁹. Задачей этих экспедиций было, по-видимому, не столько собирание самого фольклора, сколько поиск певцов, способных выполнять роль творцов нового советского фольклора, которого до середины 1930-х годов еще не существовало. В ходе этих тщательно организованных экспедиций лучшие певцы и рассказчики из разных областей и районов страны были собраны в региональных фольклорных центрах или в Москве и Ленинграде, где они проходили идеологическое обучение. Большинство певцов было неспособно следить за политическими событиями, происходящими в стране, хотя в их биографиях всегда говорится об их участии в исторических преобразованиях⁶⁰.

До середины 1930-х годов не существовало сети массовой коммуникации, с помощью которой певцы в таких далеких деревнях как Чачубети или Чаргали могли бы узнавать что-то о московских событиях. Поэтому их репертуар охватывал вековые предания и легенды. Следовательно, едва ли не самой важной задачей фольклористов стало снабжение певцов правильно отфильтрованным идеологическим материалом. Для этого каждый певец имел рядом с собой фольклориста, который должен был переводить тексты певца на русский язык. В действительности же, он читал певцу биографии политических деятелей, партийную историю или официальные статьи. Так фольклористы кормили певцов новым материалом⁶¹, которым ашуги и акыны могли наполнять традиционные формы и формулы⁶². Наполненные новым содержанием песни ашугов и акынов возвращались в книгах, журналах и по радио к советскому народу.

Но подверженный обработке официальным идеологическим дискурсом, фольклор не только служил пропаганде новой советской действительности в традиционных и доступных широким массам формах. Его интеграция в соцреалистичес-

кий канон предопределила включение литературного аппарата, с помощью которого создавалась пропагандируемая реальность. Тексты советского фольклора, превращенные в фактографические документы, принимали, таким образом, участие в сталинском мимезисе, в котором они отражают не «объективную» действительность, но предписанную ей фикцию. Обладая способностью превращения реальности (в том числе и прошлого) в мифологию⁶³, фольклор вместе с литературой оказывается средством замены советской действительности 1930-х годов мифической современностью фольклорных текстов. Таким образом, фольклор вводится в космос соцреализма как литература, для которой изначально свойственна эпическая идеализация. В линейном и одномерном сюжетостроении фольклорных текстов тотальное производство новой реальности становится единственной целью⁶⁴.

После того как фольклорные образы эпически возвышенной реальности стали самыми важными средствами гиперболизации действительности, советские фольклористы составили списки образов и метафор из традиционных собраний фольклора, которые должны были стать частью коллективной памяти певцов, советизируя ее⁶⁵.

Таким образом, советский фольклор оказывается конгломератом предписанной символики и традиционных образов отдельных певцов — на всех стадиях его сочинения, от официального задания и первого исполнения до заключительной редакции. Можно сказать, что искусственно созданный советский фольклор 1930-х годов превращается в настоящий новый фольклор народов СССР. Так как граница между традиционными образами фольклора и заданными образами советской фольклористики в сознании ашугов и акынов нарушается, автохтонным запасом готовых фольклорных образов⁶⁶ в фольклорных песнях 1930-х годов стал «fakelore»⁶⁷. Фольклорные песни Сулеймана Стальского, Джамбула Джабаева или Умара сына Керима, опубликованные в сборниках и газетах, были не только исправлены фольклористами, но частично даже сочинены ими. Однако, собранные в них формулы и метафоры советской действительности и ее вождя, будучи вписанными в традиционную текстовую память устного предания, становятся в свою очередь новым образным запасом для дальнейшего производства фольклорных текстов, которые впоследствии уже не требуют столь радикального вмешательства профессиональных фольклористов⁶⁸.

Таким образом, посредством овладения текстовым производством советские фольклористы сами оказались в состоянии создавать «фольклорные» тексты из готовых формул, стереотипных выражений и целых фраз, которые удалось включить и в литературный канон соцреализма. В свою очередь, идеологические и литературные предписания нового литературного канона легитимируются преданиями традиционного фольклора. В результате этого «творения» фольклора, «фольклорные» песни начинают восприниматься как нечто вполне естественное, никто уже не помнит, что они в действительности были лишь продуктом официоза.

Возникновение советского фольклора в середине 1930-х годов является, согласно советской истории литературы, манифестацией братства народов СССР, освобожденные песни которых сливаются в многоязычный единогласный хор многонациональной советской литературы, институционализированной вместе со Сталинской Конституцией в 1936 году. На самом же деле советская реальность благодаря фольклору превращается в рай как раз в тот момент, когда Сталин в зените власти объявил в своей речи, посвященной новой Конституции, об окончании строительства социализма в одной стране.

Рождение фольклора маркирует начало общей смены образов в официальной культуре 1930-х годов, вследствие которой «техническое» лицо советской действительности первой и второй пятилеток исчезает и заменяется идиллией завершённой истории⁶⁹. Действительность фольклорных текстов является уже не индустриализованной утопией литературы пятилеток, но райским эпическим ландшафтом, в котором было восстановлено то естественное состояние общества, кото-

рое Горький в своем докладе на Первом съезде писателей описывал как непорочный первобытный идеал. Советская страна в фольклоре 1930-х годов становится чем-то вроде Аркадии, в которой географические различия отдельных районов исчезают, и вся страна сливается в некое поэтическое единство, исконное место эпических подвигов⁷⁰. Воспевая возвращение страны к состоянию райской изначальности, фольклор маркирует начало (ре)конструкции мифологического времени, в котором Советский Союз идет назад, к архаическому, буколическому, анти-городскому и анти-модернистскому социальному строю, где люди живут в просматриваемых коллективах. Таким образом, вместе с оживленным фольклором в советскую действительность вписывается символистический порядок, превращающий страну в рай. В фольклоре среднеазиатских и кавказских республик (в отличие от шаманистически-мифологических или космогонически-мистических преданий автохтонных сибирских или эскимосских племен) издавна имелся образ эпически-расцветшего ландшафта. Так начинается «ориентализация»⁷¹ советской культуры, в ходе которой не только города и промышленные пейзажи превращаются в цветущие долины и плодородные поля, но и сам дискурс наполняется символами плодородия и метафорами жизни⁷².

Но фольклор не только превращает Советский Союз в цветущий сад. Он также погружает Сталина в мифический и мистический контекст, в котором он превращается в настоящего демиурга и властителя вселенной. В песнях Джамбула Джабаева, Сулеймана Стальского, Абульгасема Лахути или Ашуга Мусы восхваление Сталина исходит вовсе не из фольклора, но из панегирической традиции, укорененной в культуре Персии⁷³. Так советский фольклор вводит восточную традицию презентации власти и владычества в советский дискурс⁷⁴. Поскольку песни и сказания творцов фольклора из среднеазиатских и кавказских республик всегда содержали (помимо фольклорных преданий) традиционные формы восточной похвалы властителю, ашугам и акынам оставалось только заменять имена богов, султанов или шахов именем Сталина, чтобы превратить традиционные дифирамбы восточной похвалы в аутентичные гимны Сталину. Так хвалебные формулы восточной панегирики превращаются в фольклор советских народов и, будучи таким образом узаконены как атрибуты аутентичного фольклора, проникают в соцреалистическую литературу. Происхождение энкомиастических формул не только не скрывается, но и сами они превращаются в выражение глубоко прочувствованного уважения и любви народа к своему вождю⁷⁵.

Советский фольклор возникает в соцреалистическом каноне в то время, когда научное и культурное производство направляются к одной цели: превратить конструкцию социалистического общества, объявленную Конституцией 1936 года завершенной, как бы в действительно существующую реальность. В контексте мифологизации советской истории, начатой с перестройки официального исторического дискурса в 1932 году, фольклор приобретает огромное значение. Строительство социализма в одной стране больше не является результатом исторического развития, но эсхатологическим избавлением мира. Фольклор пишет ту оправдательную легенду, которая представляет власть Сталина как необходимое искупление, о котором певцы разных народов пели, оказывается, веками⁷⁶. Прежняя история существует в песнях и поэмах советского фольклора только как слабое воспоминание о том, что было. В них существуют только понятия «до» и «после» революции как иерофании Сталина. Но в фольклорной эпизации истории теряет значение не только таких событий, как гражданская война или насильственная перестройка общества в эпоху первых пятилеток. Все это служит лишь для символических ссылок на прибытие Сталина и на созданный им совершенный мир. Даже личность Ленина, духовным и политическим наследником которого Сталин себя изображал, постепенно вытесняется из песенной памяти⁷⁷. Таким образом, фольклор не только наделяет Сталина мифологической сущностью космичес-

кого спасителя, образ которого песни и поэмы вечно носят в себе⁷⁸, но и преобразует власть Сталина в мифологически неоспоримую. Так фольклор вписывает мифологический хронотоп в советскую историографию, в которой исторические время и пространство лишаются всякого значения. Они вносят в советскую культуру 1930-х годов мифологическое забвение, в котором теряются имена и факты; в советском фольклоре «вспоминается» только одно имя, имя спасителя — Сталина.

Но песни 1930-х годов не только создали новую Книгу Бытия, представляя советскую действительность обетованной землей со Сталиным-творцом. Соединяя традицию и стихийное творчество, песни ашугов и акынов преодолели один из фундаментальных конфликтов сталинской литературы: конфликт между требованиями нормативной поэтики соцреализма и стихийным вдохновением поэта новой советской действительностью. Так как фольклорное творчество всегда колеблется между ремеслом традиционного предания и стихийной поэзией, каждый фольклорный текст оказывается и нормативным, и вдохновенным. Таким образом, в фольклорном певце исчезает конфликт между восторженным поэтом и «инженером человеческих душ» — он соединяет в себе то и другое⁷⁹.

Фольклорные песни скрывают свою имманентную поэтику, перемежая обязательный набор «советских» образов с образами и метафорами, укоренившимися в национальных культурах певцов⁸⁰. Эта комбинация заданных и национальных метафор производит впечатление тождества соответствующих образов, что, в свою очередь, должно создавать представление о едином сообществе, объединении всех народов СССР, литературное творчество которых национально по форме, но едино по отраженной действительности. Таким образом, это творчество оказывается отражением идеологии, посредством которой конституируется советская империя. На первый взгляд, советский фольклор с его певцами, собиравшимися во Всесоюзном Доме фольклора в Москве, оказывается орнаментом сталинской концепции литературы, «национальной по форме и социалистической по содержанию». В сущности, советский фольклор имел одну задачу: «Волхование и шаманство вокруг ясных и очевидных явления жизни»⁸¹. Так очарование фольклорных текстов превратило Сталина в бессмертного бога, а Советский Союз — в созданный им рай.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 М. Горький. Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года // М. Горький Собр. соч. в 30-ти т. Т. 27. М., 1953. С. 298—333.

2 После того как Горький стал «родоначальником» литературы соцреализма, в фольклористическом дискурсе сталинского времени он был объявлен и основателем советской фольклористики. В качестве теоретика советского фольклора он получил возможность представлять свое мнение о фольклоре в теоретическом дискурсе академических дискуссий, превращая это мнение в авторитетную доктрину. Так, его доклад, ритуалистически повторяемый в текстах советской фольклористики 1930-х годов, стал считаться «красугольным камнем» фольклористики сталинского времени. О канонизации Горького и провозглашении его отцом-основателем соцреализма см.: *Helene Immendorffer. Die Rezeption Maksim Gor'kij's in der Formulierungsphase des sozialistischen Realismus* // G. Erler u.a. (Hrsg.). *Von der Revolution zum Schriftstellerkongreß*. Berlin, 1979. О канонизации Горького в качестве родоначальника советской фольклористики см.: М. К. Азадовский. Советская фольклористика за 20 лет // Советский фольклор. 1937. № 6. С. 6 и след.; Е. В. Гиппиус, В. И. Чичеров. Советская фольклористика за 30 лет // Советская этнография. 1947. № 4. С. 33 и след.

3 В спорах о новой советской литературе пролетарские писатели 1920-х годов связывали традиции устной поэзии с текстами Есенина, Клюева или Клычкова, объяв-

ляя их «националистическими, антисоветскими реликтами архаическо-крестьянской культуры», и, идентифицируя их таким образом, требовали вести с ними борьбу. Если воссоздание традиционного фольклора в дискуссиях 1920-х годов считалось пережитком старого крестьянского мировоззрения, то былины и эпос, вслед за академиком Ф. В. Миллером, рассматривались как остатки дворянско-аристократической культуры и как таковые также подлежали забвению. О ликвидации крестьянской культуры в 1920-е годы см.: *Stanislaw Kunjajew. Mit den Ettiketten fing alles an... // Dagmar Kasseck, Peter Rollberg (Hrsg.). Das Ende der Abstraktionen. Leipzig, 1991. S. 205—240.* О фольклоре как о литературе дворянско-аристократического общества см.: *Felix J. Oinas. The Problem of the Aristocratic origin of Russian Byliny // Slavic Review. 1971. Vol. 30. P. 513—522.* О пролетаризации фольклора в литературных дискуссиях 1920-х годов см.: *H.-J. Lehnert. Die Rückkehr zur Folklore in der sowjetischen Literaturwissenschaft nach 1936 — Utopie im neuen Gewand? // Znakolog. 1992. Vol. 4. S. 232—234.*

4 В своем докладе Горький отрицал эпос как пережиток феодальной культуры и требовал его преодоления, несмотря на то что эпос вскоре после доклада Горького стал опорой нового советского фольклора. Но и в докладе о дагестанской литературе, с которым выступил бывший деятель РАППа Г. Лелевич на Первом съезде советских писателей, утверждалось, что задача состоит не в возвращении дописьменных литератур кавказских, среднеазиатских или автохтонно-сибирских народов к их фольклористическим началам, но в их переходе в новую социалистическую литературу. См.: *H.-J. Lehnert. Vom Literaten zum Barden // Zeitschrift für Slawistik, 1991. Bd. 36. № 2. S. 188.*

5 Об этом Горький сказал в самом начале своего доклада: «Вы знаете, что материалом для истории первобытной культуры служили данные археологии и отражения древних религиозных культов, а пережитки эти освещались и рассматривались под влиянием христианско-философской догматики, которая не чужда была и атеистам-историкам. Это влияние совершенно ясно в теории недоорганического развития Спенсера, и не только у него, — оно не чуждо и Фрезеру, и всем другим. Но никто из историков первобытной и древней культуры не пользовался данными фольклора, устным творчеством народа, показаниями мифологии, которая в общем является отражением явлений природы, борьбы с природой и отражением социальной жизни в широких художественных обобщениях. Крайне трудно представить двуногое животное, которое тратило все свои силы на борьбу за жизнь, мыслящим отвлеченно от процессов труда, от вопросов рода и племени... Историками первобытной культуры совершенно замалчивались вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда и всею суммой явлений социальной жизни древних людей. Признаки эти дошли до нас в форме сказок и мифов, в которых мы слышим отзвуки работы над приручением животных, над открытием целебных трав, изобретением орудий труда» (*Горький. Указ. соч. С. 293—294*). О значении смены дискурсов в советском фольклоре см. обзор 1947 г., где сказано: «Впервые в советской науке развернуто марксистскую концепцию народного творчества дал А. М. Горький... Теория Горького, противопоставляющая марксизм вульгарному социологизму, была развернута в анализе фольклорных явлений в его докладе о литературе». (*Гиппиус, Чичеров. Указ. соч. С. 33 и след.*)

6 О конструкции воображаемого начала в мифе (и в фольклоре) как дискурсивном акте творчества см.: *Jacques Derrida. Die Struktur, das Zeichen und das Spiel // Peter Engelmann (Hrsg.). Postmoderne und Dekonstruktion. Stuttgart, 1990. S. 126 и след.*

7 *Горький. Указ. соч. С. 305.*

8 Горький сформулировал свое представление о фольклоре, созданном трудовым коллективом, следующим образом: «Мы должны усвоить, что именно труд масс является основным организатором культуры и создателем всех идей, — тех, которые на протяжении веков понимали решающее значение труда — источника наших знаний, и тех идей Маркса — Ленина — Сталина, которые в наше время воспитывают революционное правосознание пролетариев всех стран и в нашей стране возводят труд на высоту силы, коя служит основой творчества науки, искусства» (*Горький. Доклад на Первом съезде писателей. С. 319*). Обзор 1947 г. еще раз напоминал о значении этой смены дискурсов: «Характерным для концепции А. М. Горького является его отно-

шение к фольклору как к творчеству трудового народа... Абстрактное понятие народного искусства, связывающееся в трактовке мифологической школы с идеалистическим представлением о народном духе, конкретизировалось указанием на принадлежность его трудовому народу... Тезису “народное творчество исчезает, заменяясь художественно низкопробным материалом неразвитой и некультурной массы” советская наука противопоставила мысль о создании трудовым народом величайших ценностей культуры, хранимых и совершенствуемых в устном бытовании как отражение действительности в прошлом и настоящем» (*Гиппиус, Чичеров*. Указ. соч. С. 33).

9 См.: *Азадовский*. Указ. соч. С. 8.

10 *М. Горький*. Заключительная речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года // *Горький*. Указ. соч. С. 342.

11 Так, указывая на выступление Сулеймана Стальского, Горький говорил: «На меня, и я знаю — не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их. Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман» (*Горький*. Заключительная речь. С. 342). Ю. Соколов, один из самых влиятельных фольклористов 1930-х годов, использовал выступление Сулеймана Стальского на Первом съезде писателей для создания «традиции», вне сталинского литературоведения никогда не существовавшей: «Выступлением лезгинского ашуга на Всесоюзном писательском съезде была решительно подчеркнута та постоянная тесная связь, которая всегда существовала между художественной литературой и народной устной поэзией и которая с особой силой проявилась в наши дни» (*Юрий Соколов*. Русский фольклор. М., 1938. С. 530). В обзоре 1937 г. фольклор был официализирован ссылками на Сталина: «На народное творчество как основу национального искусства неоднократно указывал товарищ И. В. Сталин. В беседе с украинским кинорежиссером Довженко товарищ Сталин указал на необходимость использования в звуковом фильме, посвященном Щорсу, богатейшей украинской лирики. Это указание имело, конечно, более широкое значение и касалось не только данного фильма и не только работы кино, но всего искусства в целом» (*Азадовский*. Указ. соч. С. 5). Требование вливать фольклор в литературу соцреализма содержалось в советской критике всегда. Так, В. Ермилов в статье о народности советского искусства писал: «И устное, и письменное народное художественное творчество должно вливаться в художественную литературу» (*В. Ермилов*. За народность искусства // *Красная новь*. 1936. № 4. С. 228). В обзоре советской фольклористики 1947 г. утверждается: «Традиционное и вновь создаваемое устное народное творчество, смежное с искусством письменного художественного слова, естественно должно явиться основой и источником национальной советской литературы» (*Гиппиус, Чичеров*. Указ. соч. С. 47).

12 См. в уже цитированной части доклада Горького, где он рассматривает фольклорное предание, освобожденное им от мифической интерпретации, — в контексте теории отражения — как отражение, свидетельство, отзвук (*Горький*. Доклад на Первом съезде писателей. С. 299).

13 Там же. С. 305. См. также: *А. Дымищ*. Литература и фольклор. М., 1938. С. 8.

14 О фольклоре как первобытной форме народного творчества см., напр., рец. А. Эрлиха на сб. «Творчество народов СССР», один из первых сборников советского фольклора, изданный в 1937 г. под ред. М. Горького. В этой рецензии Эрлих пишет: «Революция говорит и действует в каждой строке фольклора... Истинно-народное творчество породило ее» (*А. Эрлих*. «Творчество народов СССР» // *Красная новь*. 1937. № 9. С. 184). В дискуссиях о народности фольклор объявляется прообразом народной литературы: «В произведениях народного творчества в собственном смысле... народность проявляется в непосредственной форме» (*А. Гурштейн*. К проблеме народности в литературе // *Новый мир*. 1949. № 7. С. 230).

15 О канонизации принципа народности в соцреалистической литературе см.: *Hans Günther*. Die Verstaatlichung der Literatur. Stuttgart, 1984. S. 47.

16 Об этой смене внутри литературно-критического дискурса после XVII съезда партии в начале 1934 г. см.: *Herman Ermolaev*. Soviet literary theories 1917—1934. Berkeley-

Los Angeles, 1963. P. 139 и след.

17 Так, например, говорится в одной из статей 1938 г. о Лениниане 1930-х годов: «Главнейшая черта народной поэзии — массовость, неразрывная связь с жизнью могучего советского народа» (*В. Щедрина*. Поэмы о Ленине // Октябрь. 1938. № 1. С. 123). В другой статье об акыне Джамбуле Джабаеве и его поэзии песни Джамбула в целом объявляются образцом народной литературы (*А. Владин*. Джамбул и его поэзия // Новый мир, 1938, № 5. С. 248).

18 См.: *Соколов*. Указ. соч. С. 4 и след.

19 Ср. в Большой Советской энциклопедии: «Устная поэзия была выражением национальной культуры, социальных идеалов и эстетических требований народа» (Большая Советская энциклопедия М., 1948. С. 1480).

20 Об отношениях критического реализма и принципа народности см.: *Günther*. Указ. соч. С. 52; *Гурштейн*. Указ. соч. С. 226 и след.; *Горький*. Доклад на Первом съезде писателей. С. 329.

21 См.: *Б. Гройс*. Стиль Сталин // Утопия и обмен. М., 1993. С. 48 и след.

22 См.: *Дышниц*. Указ. соч. С. 4; *Гиппиус*, *Чичеров*. Указ. соч. С. 47 и след.

23 Канонизация фольклора как изначально реалистической литературы содержится и в обзоре 1947 г., в котором реалистическое определение фольклора подкреплено ссылками на авторитет Горького: «Здоровый народный реализм, идейная и эстетическая ценность, художественная образность народного искусства были им (Горьким — У. Ю.) поняты» (*Гиппиус*, *Чичеров*. Указ. соч., стр. 33). В статье о поэтическом творчестве Джамбула Джабаева его поэзия называется не только исконно народной, но также и неизменно реалистической: «Особенности этой поэзии, ее значение, ее сила в этой подлинной и глубочайшей народности и реалистичности» (*А. Владин*. Народный поэт Джамбул // Октябрь. 1938. № 4. С. 143).

24 См.: *Горький*. Доклад на Первом съезде советских писателей. С. 330.

25 См.: Там же. С. 312.

26 С канонизацией фольклора была канонизирована и его псевдоэстетика, которая компенсировала отсутствие эксплицитной эстетики соцреализма. Об отсутствии сформулированной эстетики соцреализма см.: *Борис Гройс*. Сталинизм как эстетический феномен // Синтаксис. 1987. № 17. С. 102.

27 В своем докладе Горький определял фольклор как отражение в прямом смысле слова: «отражение явлений природы, борьбы с природой и отражение социальной жизни..., отзвуки работы над приручением животных, над открытием целебных трав, изобретением орудий труда» (*Горький*. Доклад на Первом съезде писателей. С. 299).

28 В своем докладе Горький говорил: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества... От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о действительности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монархов с феодалом» (*Горький*. Доклад на Первом съезде писателей. С. 311).

29 О единстве литературы и историографии в мифологической памяти см.: *Gertrud M. Koch*. Zum Verhältnis von Dichtung und Geschichtsschreibung. Frankfurt/M., 1983. S. 4 и след.

30 Переинтерпретация фольклора в подлинный исторический документ внелитературной действительности оказывается одной из основ сталинской фольклористики. См.: *Соколов*. Указ. соч. С. 514, 519; *Азадовский*. Указ. соч. С. 17.

31 См.: *Katerina Clark*. The Soviet novel. History as ritual. Chicago, 1985. P. 146.

32 См.: Там же. С. 37 и след.

33 Ср.: «Сама наша советская действительность оказалась богаче, интереснее, увлекательнее поэтического вымысла. Никогда не было столь богатого и разнообразного материала, который со всех сторон реальной жизни шел бы навстречу мастерам поэтического творчества... Сама жизнь стала чудесной. Героев не нужно стало выдумывать, герои, носители народных идеалов, осуществляющие эти народные идеалы в самой жизни, были вокруг» (*Соколов*. Указ. соч. С. 520). О наступлении эпического времени говорится и в предисловии к антологии «Творчество народов СССР» (М., 1937. С. 8);

см. также: *Дымшиц*. Указ. соч. С. 26; в докладе Горького: «Мы все плохо видим действительность. Даже пейзаж страны резко изменился, исчезла его нищенская пестрота, голубоватая полоска овса, рядом с нею — черный клочок вспаханной земли, золотистая лента ржи, зеленоватая — пшеницы, полосы земли, заросшей сорными травами, а в общем — разноцветная печать всеобщего раздробления, разорванности» (*Горький*. Доклад на Первом съезде писателей. С. 322).

34 См.: *Горький*. Доклад на Первом съезде писателей. С. 319.

35 Ср.: «Подобно легендарным поэтам античного мира, Джамбул — свидетель истории... Джамбул видел раздоры племен, натравливаемых друг на друга царским правительством, и, как летописец, отразил это в своих песнях; но не спокойно и бесстрастно, как делали это в средние века монастырские и дворцовые летописцы, а с гневом, с ненавистью к душителям народа — царю и его сатрапам — и с горестной любовью к угнетенным народам» (*Владин*. Указ. соч. С. 247). Ср. также: *Соколов*. Указ. соч. С. 519; *Азадовский*. Указ. соч. С. 15.

36 «Правдивость» устного творчества народа является основой фольклористики сталинского времени. Она находит отражение и в мнимых самооценках певцов и, таким образом, вписывается в самый дискурс устной поэзии. В цитированной выше статье о Джамбуле сказано: «Народ и правда — те родники, которые питали и питают поэзию Джамбула» (*Владин*. Указ. соч. С. 143). «Сам» Джамбул подтверждает это в приписанной ему автобиографии: «Никогда не лицемерь. Черпай слово из своего сердца, как воду из колодца» или: «Поняв всем сердцем, что акыну нельзя фальшивить и лицемерить, я стал петь своим голосом и только правду» (там же. С. 143).

37 А. Владин в статье об акыше Сулеймане Стальском связывает мнимую правдивость текстов с изначальной потребностью истинных певцов в правде. Он противопоставляет певцам, служившим феодалам, певцов, которые оставались «правдивыми», за что они — как хранители правды — часто рисковали жизнью: «За свободные песни ханы и их челядь убивали певцов, заточали их в крепости, выкалывали глаза, вырывали языки» (*Владин*. Указ. соч. С. 244). Об установке на «правду» как контрольном механизме дискурса см.: *Michel Foucault*. Die Ordnung des Diskurses. München, 1974. S. 11 и след.

38 См.: *Эрлих*. Указ. соч. С. 185. Здесь надо еще раз указать на фиктивную автобиографию Джамбула, согласно которой его учитель, акын Сююмбай, учил его: «Черпай слова из своего сердца, как воду из колодца» (*Владин*. Указ. соч. С. 236).

39 Юрий Соколов писал о песнях лезгинского ашуга Сулеймана Стальского: «С юных лет и до конца своей жизни, он создавал свои песни в постоянном живом общении с народом... Слушатели Сулеймана не были пассивными слушателями, — их отклики на песни поэта заставляли его проверить самого себя, вложенные в песни мысли и чувства, доходчивость поэтических образов и языка» (*Соколов*. Указ. соч., стр. 534). В другой статье о Сулеймане Стальском: «Вся литературная деятельность Сулеймана Стальского проходила под контролем такого требовательного, строгого и сурового критика как народ» («Сулейман Стальский» // Октябрь. 1938. № 3).

40 Ср.: *Горький*. Доклад на Первом съезде писателей. С. 329; *его же*. Заключительная речь на Первом съезде писателей. С. 340.

41 О фольклоре как языке коллективной памяти см.: *Roman Jakobson*. Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens // Roman Jakobson. Selected writings. The Hague-Paris, 1966. Bd. 4: Slavic epic studies. S. 1—15.

42 См.: *Джамбул*. Указ. соч. С. 143; *Владин*. Указ. соч. С. 243; *Соколов*. Указ. соч. С. 538 и след. Но память певцов не только является до-письменным хранилищем коллективного опыта. В интерпретации сталинской фольклористики она оказывается всегда и сокровищницей народной мудрости, так что память певцов подтверждает аутентичность их песен.

43 Об аукториальном типе повествования в соцреалистической прозе см.: *Evgenij Dobrenko*. Das fundamentale Lexikon // Kasseck, Rollberg. Ibid. S. 284 и след.

44 О разнице между объективным дискурсом аукториального повествования («Он») и субъективированным дискурсом от первого лица («Я») см.: *Roland Barthes*. Historie und ihr Diskurs // Alternative. Strukturalismus und Literaturwissenschaft. 1968. № 62/63. S. 177 и след.

45 Ср. в песнях: «Все знают, — юноши и старцы, — кто дал нам солнце, труд и честь» (Творчество народов СССР. М., 1937. С. 455); «Я — богат и о счастье пою: Самый лучший — колхозный верблюд!.. Юрта лучшая эта моя, стал богатым в колхозе я» (там же. С. 363).

46 О канонизации единого языка см.: *Günther*. Указ. соч. С. 55 и след.

47 Ср. в статье А. Эрлиха: «В многочисленных произведениях народов не встречаются сомнительных образов и двусмысленных выражений» (*Эрлих*. Указ. соч. С. 185).

48 Об автореференциальном дискурсе как о воображении языка, не имеющего сигнификанта см.: *Barthes*. Указ. соч. С. 179 и след.

49 О естественной поэтизации мира в фольклорных текстах ср.: «Джамбул глубоко вбирает в себя впечатления жизни и природы. Его творческая память прочно удерживает их. Его острая наблюдательность и сильное чувство природы являются источником множества тончайших зарисовок» (*Соколов*. Указ. соч. С. 544).

50 О вторичной устности письменных культур см.: *Walter J. Ong*. *Orality and literacy*. London-New York, 1982, s. 10 и след.

51 О риторике энкомиастической речи см.: *Ernst Robert Curtius*. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Bern-München, 1965.

52 См.: *Ермилов*. Указ. соч. С. 228; *Азадовский*. Указ. соч. С. 8; *Гиппиус, Чичеров*. Указ. соч. С. 33.

53 См.: *Felix J. Oinas*. The political uses and themes of folklore in the Soviet Union // *Journal of the Folklore Institute*, 1975, № 12, s. 82; *Николай Леонтьев*. Волхование и шаманство // *Новый мир*. 1954. № 8. С. 228 и след.; *Азадовский*. Указ. соч. С. 8 и след.; *Гиппиус, Чичеров*. Указ. соч. С. 40 и след.

54 См.: *Азадовский*. Указ. соч. С. 4; *Гиппиус, Чичеров*. Указ. соч. С. 29 и след.

55 См.: *Georg Mayer*. Die russischen Bylinen im Spiegel der Forschungsgeschichte // *Klaus-Dieter Seemann* (Hrsg.). *Beiträge zur russischen Volksdichtung*. Berlin, 1987. S. 112—121.

56 См. предисловие к сборнику текстов русской фольклористики, изданному Ойнасом и Судаковым: *The study of Russian Folklore*. The Hague-Paris, 1975. P. 4 и след.

57 См.: *Felix Oinas*. Folklore and politics in the Soviet Union // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. P. 48 и след.; *Азадовский*. Указ. соч. С. 32 и след.

58 См.: *Oinas*. Folklore and politics in the Soviet Union. P. 49.

59 Там же. С. 47.

60 Халдор Лакснес, который слушал выступление Джамбула Джабаева в 1938 г. описывает его как человека безграмотного, который не владел русским языком и без переводчиков почти ничего не понимал. См.: *Halldor Laxness*. *Dshambul, Stalins Lieblingsdichter* // *Halldor Laxness*. *Zeit zu schreiben. Erlebnisse und Erfahrungen des isländischen Dichters und Nobelpreisträgers*. Frankfurt/M., 1980. S. 201—205

61 Ср.: «The all-Union and local party and scholarly organizations, in cooperation with folklorists, did everything possible to prepare the performers for their high calling. The master singers and tellers were invited to the regional or republic centers, to Moscow and Leningrad, where they visited museums, attended lectures, concerts, and theatrical performances, and familiarized themselves with the achievement of science and technology, literature, and art. Radios were installed in their homes, and subscriptions to newspapers and magazines and study aids were provided for them. They were presented with small home libraries» (*Oinas*. *Folklore and politics in the Soviet Union*, s. 82).

62 Согласно Пэрри и Лорду, формула употребляется «регулярно при одинаковых метрических условиях, чтобы выразить определенный основной смысл». Она сопровождается в эпической поэзии шаблонными выражениями, «стихами или полустушиями, построенными по модели формул». Таким образом, фольклор долго был основан на повторе, который вместе со стихотворным размером и ритмом, был самым важным мнемотехническим средством эпических певцов. См.: *Albert Lord*. *Der Sänger erzählt. Wie ein Epos entsteht*. München, 1965. S. 22, 58—107.

63 О мифологизации истории в коллективной памяти см.: *Jan Assmann*. *Das kulturelle Gedächtnis*. München, 1992. S. 52 и след.

64 О способности эпической истории приспособливать воспоминания к литера-

турным приемам эпоса ср.: *Koch*. Указ. соч. С. 25 и след.

65 См. каталоги метафор почитания Ленина и Сталина в фольклорных текстах у Ю. Соколова и А. Дымшица. (*Соколов*. Указ. соч. С. 521—528; *Дымшиц*. Указ. соч. С. 19—36).

66 Николай Леонтьев сообщает в своей статье о советском фольклоре, опубликованной в 1954 г., что среди писем, которые получал Всесоюзный Дом народного творчества как центральная инстанция непрофессиональной литературы, всегда находились сказки и эпические сказания (*Леонтьев*. Указ. соч. С. 228 и след). Феликс Ойнас пишет: «In addition to the performers of professional or near-professional status, there were many others, who engaged in folklore activities. In the villages scores of younger people could easily improvise verses on any topic. Politically well informed, they hardly needed any special coaching, and their talent came handy in the conditions of Soviet village life. Several of them developed, in the course of the time, into respected folk performers» (*Oinas*. Указ. соч. С. 83).

67 О понятии «folklore» как имитации текстовой практики фольклора см.: *Roger D. Abrahams, Susan Kalcik*. Folklore and Cultural pluralism // Richard M. Dorson. Folklore in the modern world. Paris-The Hague, 1978. P. 224 и след.

68 О стихийном сочинении фольклорных текстов, которые певцы создают об актуальных событиях, рассказывает Р. Якобсон, который в 1915 г. вместе с П. Богатыревым участвовал в фольклорной экспедиции близ Москвы: *Roman Jakobson*. Russische Folklore // Roman Jakobson. Semiotik. Ausgewählte Texte 1919—1982. Frankfurt/M., 1985. S. 313

69 Об этой смене образов см.: *Hubertus Gafner, Eckhart Gillen*. Vom utopischen Ordnungsentwurf zur Versöhnungsideologie im ästhetischen Schein // Gernot Erler, Walter Süß (Hrsg.). Stalinismus: Probleme der Sowjetgesellschaft zwischen Kollektivierung und Weltkrieg. Frankfurt/M—New York, 1982. S. 332; Clark. Указ. соч. С. 93—113; *Владимир Паперный*. Культура «Два». Анн Арбор, 1985. С. 171.

70 Ср. в песнях: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек! Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» (Творчество народов СССР. М., 1937. С. 336); «Сотни тысяч различных трав по лугам свободно растут... Так зеркально блестят клочи, так трава могуче растет, что порой забывает есть, на красу заглядевшись, скот!» (Там же. С. 390).

71 *Паперный*. Указ. соч. С. 144.

72 Об «ориентализации» советской культуры 1930-х годов и грандиозных проектах, посредством которых Сталин собирался превращать страну в цветущий сад, см.: *Паперный*. Указ. соч. С. 132 и след.; *Г. Яковлева*. Советская архитектура послевоенного периода в эпическом ландшафте страны // Искусство кино. 1990. № 6. С. 87—90.

73 Об обожествлении восточных властителей см.: *Christian Jeremias*. Die Vergöttlichung der babylonisch-assyrischen Könige // Der alte Orient. 1979. Bd. 19. 1/3/4. S. 3—26; Н-Р. L'Orange. The iconography of cosmic kingship in the ancient world. Oslo, 1953.

74 Ср.: «Он — правда вселенной и гений народной души, для нас без него померкла бы синь небосвода» (*Джамбул Джабаев*. Песни и поэмы. М., 1938. С. 102); «Наш вождь, ты свет зари для нас, игра сверкающего солнца!» (Ленин и Сталин в поэзии народов. СССР. М., 1938. С. 507); «Железным ломом горы зла тобой разрушены дотла, заря над родиной взошла, вселенной зодчий — Сталин» (Там же. С. 519).

75 Ю. Соколов пишет о новом фольклоре народов СССР: «Но если фольклор народов СССР был выразителем народного гнева и сарказма по отношению к своим врагам, то в то же время народное творчество выражало горячую любовь народа к организаторам новой социалистической жизни» (*Соколов*. Указ. соч. С. 519).

76 Ср.: «Для всех трудящихся, как свет, горишь ты с юношеских лет» (Ленин и Сталин в поэзии народов СССР. М., 1938. С. 362); «Ты на счастье наше послан, угнетенных избавитель» (Там же. С. 531); «О нем все думы всех времен, он мир от зла спасти рожден» (*Сулейман Стальский*. Песни и стихи. М., 1938. С. 105).

77 В антологии советского фольклора Сталин не только количественно преобладает над Лениным. Большинство фольклорных текстов о Ленине, опубликованных в

антологиях 1930-х годов, оказывается плачами или причитаниями, вновь и вновь постулирующими его отсутствие. Так, в сборнике «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР» из 64 песен о Ленине 42 оплакивают его смерть.

78 Ср.: «Но, как солнце, взойдя, разгоняет мрак, ты пришел, и народы тобой спасены» (Ленин и Сталин в поэзии народов СССР М., 1938. С. 284); «Идут года — за годом год, нас сохраняешь от невзгод, и дальный виден горизонт, тебе, вершина-Сталин!» (Там же. С. 364); «Один в наших песнях батыр и герой, кого не сравнить ни с звездой, ни с зарей, чьим именем названа наша эпоха, кого будем петь до последнего вздоха» (Там же. С. 481).

79 Об ограничении закономерностей нормативной поэтики см. введение Бернда Уленбруха к изданной им поэтике Ф. Кветницкого: *F. Kvetnickij. Clavis Poetica.* (Mit e. Einl. Hrsg. von B. Uhlenbruch). Köln, 1985. S. XIII и след. Об обозначении ашугов и акынов «поэтами-импровизаторами» и «исполнителями старинных традиционных произведений национального фольклора» см.: *Соколов*. Указ. соч. С. 540.

80 См.: *Соколов*. Указ. соч. С. 544 и след.

81 *Леонтьев*. Указ. соч. С. 230 и след.